

И. В. Бондаренко

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАФОРЫ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ВЫСТУПЛЕНИИ

52

Лингвопрагматическое исследование речевых средств воздействия в политических текстах в настоящее время получило широкое распространение. Изучение роли метафоры в повышении прагматической эффективности политического выступления является актуальным в связи с тем, что метафора, будучи не только способом выражения мысли, но и самого мышления, создает условия для воздействия через нее на сознание адресата. Установление лингвопрагматических приемов и способов достижения запланированного политиком воздействующего эффекта и эмоционального нажима на аудиторию через употребление метафоры является важным для определения роли языковых средств в усилении воздействующего потенциала политического текста.

Цель исследования заключается в раскрытии сущности прагматического потенциала метафоры путем системного анализа разных типов метафор, функционирующих в английском тексте политического выступления, как средства, способного воздействовать на интеллектуальную, волевую и эмоциональную сферы адресата. В качестве основных методик анализа воздействующего потенциала метафоры в политическом тексте используются лингвопрагматический и лингвостимулистический подходы. Как показало исследование, широкий диапазон воздействующих приемов метафоры обеспечивается ее высокой информационной и эмоциональной насыщенностью, что в конечном счете формирует прагматический потенциал этого языкового средства, способствующий усилению 'действенности' политического выступления.

The linguistic and pragmatic analysis of expressive means in political texts is gaining popularity among researchers. The study of the role of metaphor in enhancing the pragmatic effectiveness of political speech is relevant due to the fact that metaphor, being not only a way of expressing thought, but also being a thought itself, creates the necessary conditions for influencing the addressee's perception. This research is aimed at establishing linguistic and pragmatic means of achieving the planned pragmatic effect and exerting emotional pressure on the audience. Metaphor is an important tool for determining the role of language means in enhancing the pragmatic potential of a political text.

The main aim of the study is to explore the pragmatic potential of metaphor by means of a systematic analysis of different types of metaphors typical of political discourse. Metaphors in political discourse are an effective tool of influencing the addressee's intellectual, volitional, and emotional state. Our research has shown that a wide range of metaphors is used for achieving a powerful informational and emotional effect of political texts contributing to the pragmatic potential and a strong effect of a political speech.

Ключевые слова: развернутая метафора, смешанная метафора, речевое воздействие, политическое выступление.

Keywords: extended metaphor, mixed metaphor, verbal impact, political oratory.

Исследование лингвистических средств речевого воздействия является одним из направлений изучения политических текстов в русле лингвистической прагматики. Н. Б. Руженцева полагает, что «применительно к политическому дискурсу феномен речевого воздействия соотносится с понятием ‘действенность политического дискурса’ [Демьянков 2012]» [8, с. 76]. Согласно В. З. Демьянкову, «цель политического дискурса — не останавливаться на описании положения дел... а дать массам основу для изменения убеждений и побудить их к действию. На фоне такой цели и оценивается эффективность политического дискурса» [3, с. 104]. Чтобы установить действенность политического текста, необходимо прежде всего «установить, какие языковые средства усиливают эту действенность» [3, с. 103].

К числу языковых средств, активно используемых в политическом тексте, принадлежит метафора. «Внедренность метафоры в мышление» [1, с. 14] и возможность манипулирования и воздействия через нее на сознание адресата определили необходимость включения метафоры в политический дискурс.

Вопросы, связанные с определением природы метафоры, долгое время вызывали споры среди ученых самых разных областей знаний. Как справедливо отмечает Д. Дэвидсон в работе «Что означают метафоры?», «в прошлом те, кто отрицал, что у метафоры в дополнение к буквальному значению имеется особое когнитивное содержание, часто всеми силами стремились показать, что метафора вносит в речь эмоции и путаницу и что она не пригодна для серьезного научного или философского разговора. Я не разделяю этой точки зрения. Метафора часто встречается не только в литературных произведениях, но и в науке, философии и юриспруденции» [5, с. 174]. Активное привлечение метафоры в разные виды дискурса во многом связано с рассмотрением ее в рамках когнитивной лингвистики как способа мышления, как познавательного процесса. Поскольку «наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, то наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обуславливаются метафорой» [6, с. 387].

Существенный вклад в разработку этой тематики вносит исследование Э. МакКормака «Когнитивная теория метафоры», которое позволило значительно расширить и углубить содержание обсуждаемого понятия. Э. МакКормак попытался доказать, что «метафора есть результат когнитивного процесса, который сопоставляет два (или более) референта, обычно не связываемых, что ведет к семантической концептуальной аномалии, симптомом которой является определенное эмоциональное напряжение» [7, с. 363]. «Метафора, с одной стороны, предполагает наличие сходства между свойствами ее семантических референтов, поскольку она должна быть понята, а с другой стороны, несходства между ними, так как метафора призвана создать некий новый смысл, то есть обладать суггестивностью» [7, с. 359]. Такое отождествление различных референтов есть способ привлечения и удержания внимания аудитории, что во многом объясняет возможность и необходимость использования метафорических наименований в тексте политического выступления.

По утверждению В. З. Демьянкова, политический дискурс представляет собой «нечто вроде закуской Макдоналдса: такой дискурс должен легко перевариваться и быстро производить свой эффект ("усваиваться", как и любая fast food), позволяя по возможности незаметно манипулировать сознанием аудитории» [4, с. 116].

Такое образное представление политического дискурса, наглядно раскрывающее его глубокую внутреннюю сущность, предопределяет возможность использования в нем метафоры. Это связано с тем, что, во-первых, метафора в политической речи заставляет аудиторию обратить внимание на некоторое, зачастую неожиданное, сходство между двумя и более предметами, что помогает слушателям заметить те свойства вещей, предметов, явлений, на которые они раньше не обращали внимания, и в конечном счете раскрыть поразительные аналогии.

Во-вторых, метафора, заставляя увидеть один объект в свете другого, влечет за собой прозрение, новое осознание и восприятие метафоризованных явлений. Это результат и следствие воздействия, которое метафора оказывает на адресата. Поэтому, наполняя политический дискурс многообразными метафорами, оратор не только декорирует ими свою речь, но и в первую очередь использует этот инструментальный для целенаправленного воздействия на сознание слушателей.

Таким образом, метод метафоризации и сама метафора, обладающие большой убедительной силой и позволяющие слушателям мгновенно схватывать суть явлений и новых идей, представляют собой уникальные ресурсы речевого воздействия и манипуляции общественным сознанием.

Изучение воздействующего потенциала метафоры в составе политического текста осуществляется с привлечением как лингвопрагматической, так и лингвостилистической методики анализа метафорических наименований.

Политик, который хочет создать в своей речи новый убедительный образ, ищет наиболее осмысленные, живые и свежие способы передачи результатов своих изысканий, которые помогут вызвать интерес к обсуждаемой проблеме и захватить внимание аудитории.

Например, премьер-министр Великобритании Т. Мэй в своем выступлении на конференции консервативной партии, обсуждая проблемы экономики в стране, наполняет свою речь образными метафорами: «That's why Philip Hammond and Greg Clark are working on a new industrial strategy to address those long-term structural challenges and get **Britain firing on all cylinders** again. It's not about **picking winners**, propping up failing industries, or **bringing** old companies **back from the dead**. It's about identifying the industries that are of strategic value to our economy and supporting and promoting them through policies on trade, tax, infrastructure, skills, training, and research and development» [16].

Что может быть более действенным и красноречивым для аудитории, когда ее требуется убедить в необходимости и важности разработки новой индустриальной стратегии для государства, чем представить Британию в образе страны, у которой опять все будет идти как по маслу ('Britain firing on all cylinders again'). Политик продолжает наращивать образность, убеждая слушателей в том, что новая экономическая стратегия не имеет ничего общего с «процессом выбора акций, кото-

рые, как ожидается, возрастут в цене выше среднего», или с «реанимированием старых компаний», и предусмотрительно подвергает метафоризации эти непопулярные процессы, зашифровывая их свежими образными наименованиями 'picking winners' («выбор победителей») и 'bringing back from the dead' («воскрешать из мертвых»). Смысловая емкость метафоры в сочетании с ее эмоциональной окрашенностью создают необходимые условия для ее использования в ходе целенаправленного воздействия на сознание и чувства адресата, что напрямую связано с усилением 'действенности' текста.

Весьма эффективным в текстах политических выступлений оказывается использование развернутых метафор, которые представляют собой «художественный прием, позволяющий наиболее полно раскрыть суть изображаемого предмета или явления. Перенос понятий в развернутой метафоре осуществляется на протяжении достаточно большого фрагмента фразы или даже всего текста» [9]. Важно отметить, что весь комплекс создаваемых образов связан с одним изображаемым предметом или явлением, что позволяет адресанту представить слушателю этот предмет во всем многообразии его проявлений.

Целый каскад разнообразных образов, воплощающих и наглядно передающих сущность процесса инфляции, удалось создать М. Тэтчер в одном из ее выступлений: «But all this will avail us little unless we achieve our prime economic objective—the **defeat** of inflation. Inflation **destroys nations and societies** as surely as **invading armies do**. Inflation is the **parent** of unemployment. It is the **unseen robber** of those who have saved» [17].

Рассматриваемая метафора построена на различных ассоциациях: перенос понятий последовательно осуществляется в рамках нескольких высказываний, где разворачивается их метафорический смысл. Сначала политик создает военный образ инфляции и изобретает метафорическое наименование 'invading armies' ('армии вторжения'), которое воспринимается слушателями в качестве известного военного образа, апеллирующего к воображению. Этот образ позволяет политику говорить об инфляции в терминах войны: инфляцию необходимо разгромить (defeat); она разрушает и уничтожает государства и общества ('destroys nations and societies'). Далее оратор продолжает экспериментировать в формировании сложной образности обсуждаемого явления, результатом чего становится возникновение новых образов и соответствующих слов в метафорическом употреблении 'parent' («родитель») и 'unforeseen robber' («случайный грабитель»), логически слабо связанных с понятием инфляции. Однако эти образы понятны аудитории и хорошо узнаваемы, так как восходят к повседневному опыту, что немедленно вызывает отклик и необходимую ответную реакцию в сознании слушателей. Таким образом, возникает развернутая метафора, которая эксплуатируется как языковое средство, построенное на различных ассоциациях по сходству. Такое многократное изображение сложного явления сферы экономики позволяет представить его в разных ракурсах и сделать доступным для понимания широкой аудитории. Яркие запоминающиеся образы легко воспринимаются адресатом, убеждают его в истинности излагаемой информации, вовлекают слушателей в единое дискурсивное пространство с оратором, объединяя интересы и взгляды оратора и аудитории.

Д. Кэмерон часто обращался к развернутой метафоре в своих выступлениях, чтобы сделать речь более убедительной, фиксируя внимание адресата на ключевых моментах своего послания, например: «Securing our country, growing our economy; jobs, exports growth, infrastructure these are the **stepping stones on the path** to greatness for our country – and we've been **laying them** every day since we came to office» [11].

Тони Блэр, будучи премьер-министром Великобритании, в своих выступлениях довольно активно использовал художественный прием развернутой метафоры, что позволяло ему наглядно и убедительно раскрывать аудитории сложные политические реалии, представленные множественностью наглядных образов, опирающихся на известный жизненный опыт слушателей. Характеризуя состояние консервативной партии, Т. Блэр приступает к формированию насыщенных и легко узнаваемых образов: «Today's Tory party – the **party of fox hunting**, Pinochet and hereditary peers: the uneatable, the unspeakable and the unelectable... The only Party that **spent two years in hibernation** in search of a new image and came back as the **Addams family**... After decades of Tory **boom and bust**, it is New Labour which is the party of economic competence today and for that we can be proud; and proud of our Chancellor too» [14]. Партия Тори предстает в образе 'party of fox hunting' («партия охоты на лис»), которая «провела два года в спячке» ('spent two years in hibernation') и вернулась в качестве 'Addams family' ('семейка Аддамсов' – жутковатое, но смешное семейство монстров), оставаясь при этом на протяжении десятилетий партией 'Tory boom and bust' («бум и крах тори»), что означает кажущееся экономическое процветание, за которым неизбежно следует экономический кризис. При помощи созданного оратором ассоциативного ряда разнообразных в большинстве своем негативных образов, относящихся к одному явлению, слушатель легко воспринимает и усваивает сущность описываемого понятия. Приведенные эмоциональные аргументы, облеченные в метафоры, призваны вызвать негативную тревожную реакцию аудитории в отношении партии консерваторов. Этой реакции адресанту удастся достичь благодаря мастерски подобранному метафорическим образам, обладающим мощным воздействующим эффектом на сознание слушателей.

Использование эмоционально и экспрессивно насыщенных метафор в политическом дискурсе часто выходит за рамки стратегии понимания, обращаясь к области манипуляции общественным мнением и сознанием. Особую роль в этом играют смешанные метафоры, которые представляют собой «соединение разнородных метафор, результатом чего становится хаотическое смешение образов и различных ментальных пространств в подсознании человека для порождения новой сущности, в которой участвуют свойства всех метафорически сталкиваемых предметов» [2, с. 86]. Например: «The **money in your and your family's pocket will be at the heart of** our discussions on Brexit» [13].

Функционирование смешанных метафор в текстах политических выступлений имеет свои особенности. Например, Д. Кэмерон, отвечая на критику представителей лейбористской партии, отрицающих денежный дефицит в стране, использует смешанную метафору: «The deficit-deniers, who go around saying we're hurting the poor. Hang on a

second. Who gets hurt when governments lose control of spending and **interest rates go through the roof**? Who gets hurt when you waste money on debt interest and have to cut the NHS?» [11]. Смешанная метафора 'interest rates go through the roof', которая содержит элементы различных метафор, создает нелогичное предложение и приводит к трудной для понимания ситуации. Однако такая метафора использована политиком намеренно, чтобы запутать слушателей, ввести в их когнитивное пространство новые установки и отвлечь аудиторию от прозвучавшей критики в адрес консерваторов по поводу причинения ими страданий бедным слоям населения. Семантическая и коннотативная разноплановость метафоры позволяет оратору выразить свои эмоции и перенаправить обвинение в адрес лейбористов.

57

Смешанная метафора, соединяя концепт с другим предметным концептом, приводит к алогичному смешению смыслов, которое намеренно употребляется для осуществления разнообразных манипулятивных тактик. Так, например, Д. Кэмерон, говоря о необходимости жесткой борьбы с нарушителями общественного порядка, с преступниками, использует смешанную метафору, которая позволяет не только привлечь внимание общественности к проблеме, но и передать особую глубину и сложность предстоящего ее решения: «Nothing in this job is more important to me than keeping people safe. And it is obvious to me that to do that we've got to be tough, we've got to be robust, we've got to **score a clear line** between right and wrong **right through the heart** of this country — in every street and in every community» [15]. Политик, беспорядочно соединяя алогичные образы в одном высказывании, руководствуется следующим: фигуральные значения используемых устойчивых выражений настолько привычны слушателям, что они не осознают бессмысленность значения полученной фразы и легко воспринимают заложенный в ней смысл.

Как свидетельствует материал исследования, чаще всего смешанная метафора используется политиками для привлечения внимания слушателей к насущным проблемам населения. Например, пытаясь пробудить интерес аудитории к проблеме доступности жилой недвижимости для молодого поколения, британский политик использует смешанную метафору, вводя в когнитивное пространство адресата новые установки, подкрепляющие когнитивные установки оратора: «...The generation crying out for help with housing is not over-entitled. They don't want **the world handed to them on a plate**. They want simple fairness, moral justice, the opportunity to play by the same rules enjoyed by those who came before them» [14].

Смешанная метафора 'the world handed to them on a plate' объединяет слова с лексически несовместимыми значениями, порождая несопоставимые образы в сознании слушателей. Такое столкновение концептов, принадлежащих разным концептосферам, будоражит сознание слушателей, добавляет особую экспрессивную тональность всему высказыванию, чем обеспечивается изменение настроенности сознания в пользу взывающего к помощи поколения. Как известно, экспрессивность связана с функцией целенаправленного воздействия на адресата, с усилением коммуникативного намерения говорящего.

Определенный интерес представляет введение в политическую речь смешанной метафоры с целью создания иронического эффекта. Возможность такого использования метафор обусловлена тем, что они носят окказиональный характер, а случайное столкновение несовместимых образов создает комический эффект. В этом случае оратор, причудливо интегрируя разнородные семантические сферы в процессе создания двойных метафор, пытается разрядить обстановку, снять общее напряжение, которое часто возникает у слушателей при восприятии информации, затрагивающей острые и злободневные проблемы общества.

Например, Гай Опшерман, министр труда и пенсионного обеспечения, выступая на конференции по вопросу о грядущих изменениях в пенсионной системе, сообщает аудитории о существенном продвижении в деле внедрения в пенсионную систему новой Панели управления пенсиями. При этом оратор, предвидя настороженную реакцию аудитории, пылко убеждает слушателей в отсутствии сомнений в важности и успешности нововведения и в подтверждение сказанного включает в свою речь смешанную метафору. В силу высокой степени смыслового несовпадения использованных элементов разнородных метафор 'be grilled' и 'within an inch of life' создается неожиданный комический эффект на общем фоне официального дискурса: «But we are making tremendous progress, and contrary to popular belief we're also making tremendous progress on the Pensions Dashboard. Everyone agrees, and I don't think there's any doubt whatsoever, and I'm sure I'll be **grilled later on to within an inch of my life** if I was in any doubt. Everybody agrees that a Pensions Dashboard, facilitated by government, led by industry, will be truly game-changing. I certainly believe that» [12].

Смешанные метафоры в силу своей семантической и коннотативной разноплановости, могут спутать все ассоциации и тем самым снизить значимость аргументации. Примером может послужить цитата из эмоциональной и весьма тревожной речи Д. Кэмерона, с которой премьер-министр выступил после беспорядков в Лондоне: «Now that the riots have happened I will make sure that we **clear away the red tape and put rocket boosters** under this programme... with a clear ambition that within the lifetime of this Parliament we will turn around the lives of the 120,000 most troubled families in the country» [15]. Смешанная метафора, содержащая в себе элементы двух разнородных метафор **clear away the red tape** и **put rocket boosters**, создает нелогичное, несвязное предложение, что приводит к неловкой ситуации, отражающей противоречивые мысли автора. Именно поэтому оратор после некоторой паузы, которая отражена в письменном варианте речи многоточием, добавляет пояснения в виде развернутого сложного предложения, чтобы не запутать слушателя.

Выводы

Исследование текстов выступлений английских политиков позволяет утверждать, что метафоры наполняют политический дискурс, они пригодны для серьезного политического разговора. Семантическая ем-

кость метафоры в сочетании с ее экспрессивностью и эмоциональной окрашенностью позволяют ей реализоваться в качестве уникального ресурса речевого воздействия и манипуляции сознанием слушателей. Использование привычных, легко узнаваемых образов повседневного жизненного опыта, лежащих в основе метафоры, заставляет слушателей легко воспринимать новый объект или явление в свете знакомых сущностей, а также помогает по-новому осознать метафоризованное явление. Образы, созданные с помощью метафоры, возбуждают воображение слушателей, помогая им без видимого давления со стороны адресанта прийти к заданному пониманию и восприятию выступления.

Применяя метафорические приемы, политик получает возможность не только воздействовать и влиять на сознание слушателей, но и убеждать в правильности своих позиций, предлагаемых оценок и решений, зашифровывать непопулярные политические процессы образными наименованиями, находить поддержку аудитории.

Активное эксплуатирование развернутых метафор в качестве языковых средств воздействия связано с тем, что весь комплекс создаваемых образов, построенных на различных ассоциациях по сходству, связан с одним, как правило, ключевым явлением. Это позволяет представить его слушателю во всем многообразии проявлений и таким образом зафиксировать внимание адресата на наиболее важном моменте выступления.

Особая роль в сфере манипуляции общественным мнением и сознанием принадлежит смешанным метафорам, хаотично объединяющим разнородные метафоры, результатом чего является смешение образов в сознании слушателей, порождение нового неожиданного образа. Столкновение несовместимых концептов способно создать иронический эффект. Высокая экспрессивная тональность таких высказываний предопределяет возможность их использования для целенаправленного воздействия на адресата. Политики намеренно употребляют такие метафоры для реализации разнообразных манипулятивных тактик, усложняющих или упрощающих ситуацию. Эти языковые единицы используются оратором для того, чтобы привлечь внимание к насущной проблеме, выразить сильные эмоции, вызвать негативную реакцию по отношению к нежелательным политическим процессам, снять общее напряжение аудитории и т. д.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
2. Бондаренко И.В. Дискурсивное функционирование смешанных метафор // Пелевенские чтения – 2009 : межвуз. сб. науч. тр. Калининград, 2009. С. 86–91.
3. Демьянков В.З. Исследование текста и дискурса СМИ методами контрастивной политической лингвистики // Язык СМИ и политика. М., 2012. С. 77–121.
4. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учеб. пособие. М., 2003. С. 116–133.
5. Дэвидсон Д. Что означают метафоры? // Теория метафоры. М., 1990. С. 173–194.

6. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 387–415.

7. *МакКормак Э.* Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 358–387.

8. *Руженцева Н. Б.* Методология и методики лингвопрагматического анализа в российской политической лингвистик // Теория и методика лингвистического анализа политического текста / отв. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2016. С. 63–91.

9. *Что такое метафора?* URL: <http://www.mnogo-otvetov.ru/literature/chto-takoe-metafora/> (дата обращения: 04.12.2018).

10. *British prime minister speeches.* URL: <http://www.britpolitics.co.uk/british-prime-minister-speeches> (дата обращения: 09.12.2018).

11. *David Cameron's full speech conservative.* URL: <http://www.mirror.co.uk/news/uk-news/david-camersons-full-speech-conservative-6589711> (дата обращения: 09.11.2018).

12. *Minister for Pensions and Financial Inclusion gives keynote speech at the PLSA Conference 2018.* URL: <https://www.gov.uk/search?q=speech+by+minister+for+pension+and+financial+inclusion> (дата обращения: 10.11.2018).

13. *Minister Smith NICCY speech.* URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/minister-smith-niccy-speech> (дата обращения: 09.12.2018).

14. *Prime Minister Tony Blair, speech to Labour Party Conference September 1999.* URL: <http://www.britpolitics.co.uk/british-politics-speeches-tony-blair-new-labour> (дата обращения: 09.11.2018).

15. *Prime-minister David Cameron speech 2011 riots.* URL: <http://www.britpolitics.co.uk/prime-minister-david-cameron-speech-2011-riots> (дата обращения: 15.11.2018).

16. *Theresa May's Conference Speech in full.* URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/10/05/theresa-mays-conference-speech-in-full/> (дата обращения: 15.11.2018).

17. *Thatcher Margaret, Speech to Conservative Party Conference 10 October 1980.* URL: <https://www.margarettatcher.org/document/104431> (дата обращения: 07.12.2018).

Об авторе

Ирина Викторовна Бондаренко — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: irbond@mail.ru

The author

Dr Irina V. Bondarenko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: irbond@mail.ru